

Сюэ Кайчао впервые встретил Шу Цзюня во второй день второго месяца двенадцатого года правления под девизом «Луншэн». В тот день, по просьбе чиновников и местных жителей, он покинул свою загородную усадьбу и отправился в уездный город на банкет.

В конце прошлого года Сюэ Кайчао вернулся из Восточной столицы Лоцзин в Чанъань, чтобы принести дань уважения двум императорам. После Нового года он переехал в загородную усадьбу, закрыл двери для гостей и объявил, что будет отдыхать. Однако менее чем через два месяца со всех сторон стали прибывать люди, чтобы навестить его. Когда наступил период Цзинчжэ, Пробуждение насекомых, и весенние грозы разбудили змей, насекомых, мышей и муравьев, Сюэ Кайчао получил известия из столицы. Ему пришлось появиться на публике, чтобы все, кто следил за ним, убедились, что он жив и здоров, как обычно.

Владыка Цинлинь был подобен яркому фонарю, висящему в долгой ночи. Любой, кто хотел бы воспользоваться неразберихой, должен был сначала погасить этот свет. Пока он жив, он мог сдерживать бесчисленных злых духов.

Именно поэтому все смотрели на него.

В день выезда усадьба наконец оживилась. Голоса людей доносились снаружи, проникая на высокую платформу над озером, где жил Сюэ Кайчао. Он еще не встал, но его духовное тело и ездовое животное — Лазурный Цилинь — уже превратилось в маленькое существо, дергая его за одежду, торопя умыться и одеться. В уменьшенном виде оно выглядело неприметно, как обычный маленький лев, невинный и безобидный. Только мягкий рог на голове и высоко поднятый драконий хвост выдавали, что это был цилинь.

Сегодня Сюэ Кайчао отправлялся на банкет, и поскольку уезд Цинъян был его владением, местные чиновники и жители считались своими людьми. Он не хотел устраивать пышную процессию, не хотел ехать на своем знаменитом Лазурном Цилине и не собирался брать его с собой. Но цилинь не соглашался, настырно настаивал, и, кроме Сюэ Кайчао, никто не мог относиться к божественному зверю как к обычному синему льву, поэтому пришлось взять его с собой в повозку.

Кортеж Владыки Цинлиня выехал из усадьбы, и в нескольких десятках ли от Цинъяна начал подниматься дымок от курительных палочек. Местные чиновники и знатные люди сами поставили алтари, молились и читали сутры. Смелчаки подходили с подношениями, но это были только цветы и благовония, больше ничего.

Вокруг Цинъяна были горячие источники, и весна здесь наступала раньше, чем в других местах. В это время многие деревья уже покрывались почками, и можно было срезать ветки для украшения. У богатых семей были теплицы, где выращивалось еще больше цветов. Как только кто-то начал подносить цветы, их стали бросать на повозку Сюэ Кайчао, связанными в пучки шелковыми лентами. Окна повозки застучали от ударов. Один особенно меткий бросок девушки отправил большой пучок нежно-розовых лотосов прямо перед занавеской повозки.

Толпа засмеялась, девушка прикрыла лицо шляпой, но увидела, как из-за занавески появилась рука, белая, как слонобая кость, и взяла цветок.

Внутри повозки Сюэ Кайчао примерил лотос на голову Лазурного Цилиня, заметив, что цветок больше, чем его голова. Он подумал, что вырастить лотос в это время года было нелегко, и это, вероятно, было не просто делом богатых людей, но и требовало связи с практикующими духовное совершенствование.

Девушка, бросившая цветок, смеялась и краснела, оказавшись в центре внимания. На дороге

стало шумно, но Сюэ Кайчао уже положил цветок и больше не думал об этом.

Сам Сюэ Кайчао был похож на холодный и прекрасный лотос. Его красота придавала ему мягкости, хотя на самом деле все человеческие дела были для него как роса на лотосе. Она могла скатиться или испариться под солнцем, но это не имело к нему никакого отношения.

Его репутация бесстрастного и равнодушного человека была широко известна, поэтому даже сам Сюэ Кайчао не ожидал, что банкет окажется таким оживленным.

С одной стороны, он был организован местными чиновниками и знатными людьми, без участия местных властей, поэтому роскошь была допустима. С другой стороны, второй день второго месяца был праздником в Цинъяне, временем пробуждения весны, и люди отмечали его, кусая весну. Таков был обычай, и шум был естественным.

На банкете подавали чистые и вкусные блюда, в основном сезонные овощи и мясо местного производства. Было также вино, приготовленное из местных источников, свежие оливки и апельсины. На столе перед Сюэ Кайчао стояла ваза с бамбуковыми листьями и веточками падуба, что выглядело очень изысканно. Хотя чиновники и знатные люди скромно извинялись за скромность угощения, на самом деле все было продумано до мелочей.

Сюэ Кайчао налил несколько чашек вина Лазурному Цилиню, который устроился у него на коленях, и посмотрел на сцену, установленную на открытом пространстве.

С тех пор, как начался банкет, звуки музыки и пения не прекращались. Сначала это была сдержанная элегантность, но постепенно превратилось в нечто более фривольное. Молодые и красивые мужчины и женщины по очереди выходили на сцену. Кроме танцев и песен, был еще и театр призраков.

Театр призраков изначально был связан с ритуалами изгнания злых духов и часто использовался на церемониях. Но позже он обрел тексты и движения, превратившись в рассказ, и стал популярным среди народа. Спустя сто-двести лет он развился и теперь даже исполнялся при дворе.

Эти пьесы обычно рассказывали о круговороте жизни и смерти, карме и пути небес. Кроме историй о человеческой жизни, они включали перерождение и достижение бессмертия, а также сцены из ада. Костюмы были яркими, а движения — захватывающими, отсюда и название «театр призраков». Все актеры были мужчинами, женщин среди них не было. Роли женщин исполняли красивые юноши, и многие знатные люди любили этих актеров.

Пригласить таких актеров для развлечения было очевидным намеком.

Владыку Цинлиня еще никогда так открыто не пытались соблазнить красотой, и он не знал, как реагировать. В любом случае, он не мог принять это, поэтому просто сидел спокойно.

Он пришел, чтобы показать всем, кто следил за ним, что с ним все в порядке. Лишние действия могли вызвать подозрения, поэтому он не стал уходить, чтобы не создавать впечатления, что что-то скрывает.

Вероятно, заметив, что он не интересуется красотой, те, кто ранее объяснял ему, кто на сцене и в чем их особенности, замолчали и сосредоточились на представлении.

Некоторое время спустя Сюэ Кайчао вышел из зала, чтобы немного проветриться с Лазурным Цилинем.

На самом деле он не был пьян, а вот цилинь напился и, поставленный на землю, шатался, пуская небольшие облачка светло-голубого дыма, но не мог подняться выше, чем на два цуня от земли. Он сделал несколько кругов, а затем упал у ног Сюэ Кайчао.

Тому пришлось с сожалением поднять цилиня.

Титул Владыки Цинлиня произошел от этого Лазурного Цилиня, поэтому он относился к нему с особой снисходительностью и любовью, иногда даже шутил. Он дал ему вина, предполагая, что это его духовная сила, и что оно не должно опьянять, но, увидев, как сильно он напился, понял, что ошибся.

В этом уголке сада было мало людей. Сюэ Кайчао сорвал с дерева самый большой лист, свернул его в трубочку, вставил в пасть цилиня и произнес заклинание, чтобы создать чистую воду. Он сделал это легко, даже не издав звука. Цилинь выпил воду, его веки полузакрылись, и Сюэ Кайчао решил прогуляться здесь, чтобы избежать тяжелого воздуха внутри, который мог бы разбудить цилиня.

Этот уголок был тихим, неподалеку росла банановая пальма, листья которой только начали распускаться, еще плотно свернутые, низкие, свежие и ярко-зеленые, что стоило увидеть. Колонны беседки были окрашены в красный цвет, гармонируя с деревьями вокруг. Сюэ Кайчао поднялся и сел, как услышал, как кто-то вошел в сад, разговаривая.

Снаружи его не было видно, но он слышал каждый их слово.

Они говорили об одном из артистов, выступавших на банкете, называя его «красивым малышом». Обсуждение актеров было обычным делом, но тон и содержание были неприятными. Видимо, они решили воспользоваться тем, что Сюэ Кайчао не проявил интереса к мужчинам и женщинам на сцене, и пригласили известных артистов, чтобы удовлетворить свои желания.

Сюэ Кайчао не был полностью оторван от мира и не удивился такому поведению, но слова этих людей были отвратительными.

Он не мог выйти, но, слушая, заметил нечто странное.

Актер театра призраков был ловким, но то, что он мог ставить боевые сцены, которые мог исполнять только он сам, было интересно. Кроме того, его глаза были необычно острыми, и вокруг него происходили странные вещи. Сюэ Кайчао почувствовал неладное.

Сейчас он жил в загородной усадьбе, где, кроме нескольких служанок, не было ни одного священника, а охрана состояла из обычных людей. Для практикующих усадьба была открытой территорией, и единственное, что удерживало их от вторжения, был сам Сюэ Кайчао.

Он и сам не ожидал, что задержится здесь так надолго, поэтому нужно было подумать о будущем. Лишний человек не мешает.

Когда эти двое наконец ушли, Сюэ Кайчао вернулся на банкет.

|